

Ю. С. Никифоров

Историки «русской школы» о методологии и культуре исторического исследования

Статья посвящена методологическим воззрениям историков «русской школы». Подробно анализируются вопросы методологии, источниковедения и культуры исследовательской деятельности историков в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: «русская историческая школа», историческое исследование, метод, методология, культура, источниковедение, П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий, М. С. Корелин.

Ju. S. Nikiforov

Historians of "the Russian School" on Methodology and Culture of Historical Research

The article is devoted to the "Russian school" historians' methodological views. The author analyses the issues of methodology, source study and culture of the research of the historians in the end of the XIX – the beginning of the XX century.

Keywords: "the Russian historical school", historic study, a method, methodology, culture, source study, N. I. Kareyev, M. M. Kovalevsky, I. V. Luchitsky, P. G. Vinogradov, M. S. Korelin.

Рубеж XIX–XX вв. традиционно считается временем становления истории как научной дисциплины. Как известно, профессионализация истории была тесно связана с разработкой ее методологии. Заметный вклад в ее формирование внесли и отечественные историки – представители «русской исторической школы» (П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий, М. С. Корелин, А. Н. Савин), неоднократно привлекавшие внимание исследователей [5, 26, 28]. Они оставили заметный след не только в сфере конкретно-исторических исследований, но и в области методологии истории. Имеет смысл заметить, что информацию о методологических воззрениях представителей «русской исторической школы» можно почерпнуть как напрямую – непосредственно в их работах теоретического плана, так и косвенным путем – в источниках личного происхождения: в их мемуарах, дневниках, письмах.

Историки «русской школы» не только высказывались по вопросам методологии исторической науки, но и стремились выйти на более широкий уровень обобщения, связанный с другими смежными дисциплинами. Например, Н. И. Кареев в одной из неопубликованных работ «Общая методология гуманитарных наук» (1922 г.) определял науку как «активно-достоверное и систематическое знание о действительных явлениях, объяснение, указывающее на взаимоотношения, с характерными признаками доказанности и сис-

темности» [1, л. 1]. Используя метафоры, Кареев сравнивал историческую науку с могучим деревом и выделял два этапа в научном исследовании – корни (работа над сырым материалом) и крона (исторические обобщения). Историк подчеркивал, что для него была предпочтительнее «работа синтетическая, обобщающая и объединяющая, нежели аналитическая, детальная и изолирующая» [12, с. 249]. Коллеги отмечали способность ученого формулировать законы и пути развития, анализировать явления во всей многогранности: «Его основное научное стремление – вскрыть обобщения всемирной истории, сущность процесса в экономическом, политическом, социальном и духовном аспектах» [14, с. 6].

Н. И. Кареев позиционировал себя решительным противником «фактопоклонников» и «крохоборов». М. М. Ковалевский указывал на ограниченность материала прямых свидетельств-фактов и необходимость обобщений с привлечением косвенных источников: «Я немало сидел над рукописями и все же вынес впечатление, что исследование, исключительно на них построенное, будет однобоким и неполным» [17, с. 261]. Противоположной позиции придерживался И. В. Лучицкий. По его мнению, главное «дело историка – исследование конкретных фактов». Выбор сюжета, способ его обсуждения, отношение к нему авторов, – все это, с точки зрения Лучицкого, не находилось в связи с научными задачами [23, с. 18]. Осторожный П. Г. Виноградов

держался «золотой середины». Он указывал, с одной стороны, на основательность в работе с историческими фактами как важную исследовательскую компетенцию историка, с другой стороны, подобно Карееву и Ковалевскому, стремился держаться обобщающей точки зрения на анализируемую проблему без ухода в детали. В одном из писем он отмечал: «Не хотелось бы залезать в местные подробности, но, с другой стороны, надо, прежде всего, быть основательным» [6, с. 276].

Коснемся некоторых методологических различий историков «русской школы». Например, М. М. Ковалевский нещадно критиковал статистический метод, яркими приверженцами которого были И. В. Луцицкий и А. Н. Савин, подчеркивая его «нередкую бедность и отрывочность материалов» [17, с. 261]. Использование статистического метода во многом было обусловлено новой тематикой исторических исследований. По удачному выражению Дж. Тоша, «стоило историку заинтересоваться проблемами экономического развития, социальных изменений, и количественный элемент занял свое место в исследованиях» [35, с. 219]. Крупнейшие работы А. Н. Савина, посвященные Англии нового времени, были основаны на кропотливом изучении архивного материала с использованием статистического метода [32, 33].

И. В. Луцицкий считал данный метод наиболее объективным. В одном из писем он с удовольствием отмечал положительное мнение со стороны ученого мира о применении им статистического метода в реферате по дворянскому землевладению во Франции: «Старик Кауфман сделал замечания хвалебного характера и (что для меня особенно ценно) признал метод моей работы в статистическом отношении вполне правильным и строго научным в противоположность “умному” Максиму, выругавшему меня за этот метод» [27, с. 205]. Анализ цитаты показывает некоторую натянутость отношений между И. В. Луцицким и М. М. Ковалевским. По мнению Ковалевского, историк не должен был отказываться в угоду источнику от выводов, «построенных на координации ранее установленных представлений» [17, с. 261].

Для работ историков «русской школы» был характерен феномен тесного взаимодействия различных дисциплин в процессе исторического исследования, который получил в современной научной терминологии название «междисциплинарного» или «методологического» синтеза [25].

Как заметил Дж. Тош: «История – гибридная дисциплина, своим очарованием и сложностью обязана тому, что несет черты гуманитарных, общественных и естественных наук» [35, с. 147]. Особенно рельефно междисциплинарный подход проявился в творчестве М. М. Ковалевского, который, по словам А. Б. Соколова, «выступил не только как историк, но и в области права, социологии, этнографии и других гуманитарных дисциплин» [34, с. 89].

Яркий пример методологического синтеза – соединение истории и социологии, породившее историческую социологию и социальную историю. По словам Л. П. Репиной, «для историков конца XIX – начала XX в. научно-познавательный идеал воплощался в социологии, а создание новой исторической науки связывалось с ее «социализацией» [31, с. 13]. П. Вен указывал на стремление ученых к изучению новой тематики: «Существовала область фактов, которую требовалось изучить, и вся деятельность, не признавшая себя историей или философией, получила название социологии» [2, с. 332].

Социологическое исследование истории было своеобразной приметой времени в российской науке на рубеже XIX–XX вв. В числе ученых, придерживавшихся социологической парадигмы, могут быть названы В. О. Ключевский, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин. Среди историков «русской школы» социологический подход в историческом исследовании активно отстаивался Н. И. Кареевым и М. М. Ковалевским. Н. И. Кареев разграничивал интерпретационные возможности истории и социологии. Максимальное обобщение, которое мог, по Карееву, позволить себе историк, – типологизация исторических явлений, в результате которой выявлялись социологические типы – род, государство, полис, деспотия, сословная монархия, абсолютизм. В духе типологизации был выполнен ряд работ Кареева [7]. А. Про замечал, что «социологический подход в истории является типологическим, образуя типы, которые сравнивают... рассчитывая различия или корреляции» [30, с. 214].

Одним из новаторских методов исследования в рамках социологического подхода, который использовали историки «русской школы», был сравнительно-исторический. «Сравнительно-историческое исследование очень меня привлекает по новизне приемов», – писал по этому поводу П. Г. Виноградов [6, с. 277]. Для М. М. Ковалевского историко-сравнительный метод был «средством построения новой ветви описатель-

ной социологии – истории человеческих обществ» [15, с. 69]. С помощью этого метода он провел типологические обобщения в ряде дисциплин: от социологии и истории до права и экономики [20, 21, 22]. Н. И. Кареев проводил мысль о социологической направленности сравнительного метода: «Одинаковые причины порождают одинаковые следствия, а потому обнаружение сходств – первый шаг к установлению социологического закона» [11, с. 27].

Распространенным среди историков «русской школы» был эволюционный метод, суть которого Кареев сводил к исторической точке зрения – генетической и эволюционной («понимание жизненных отношений путем исследования их происхождения и развития») [13, с. 203]. Критикуя однофакторные теории исторического развития Гегеля, Спенсера, Маркса, ученый обосновывал многофакторную теорию исторического процесса, когда «действует множество сил и события порождены сочетанием ряда причин» [10, с. 47]. Конкретизируя эту модель, Кареев писал, что «каждая история – равнодействующая условий – географических, этнических, исторических (культурных и прагматических); физических, биологических и социально-психологических» [10, с. 67]. По этому поводу В. П. Золотарев подчеркивал, что «методологические разработки Кареева находились в плену позитивистских представлений» [5, с. 154].

М. М. Ковалевский, основываясь на обобщении материала исторических исследований, строил метод генетической социологии. Как и Кареев, он стремился к объяснению исторических явлений через анализ их происхождения. Этот метод проходил красной линией через фундаментальные труды Ковалевского [18, 19]. Концепция Ковалевского была связана с идеей прогресса, которая несла дух позитивизма и вытекала из следующего определения: «Генетическая социология – наука об обществе, его поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественных институтов: семьи, собственности, религии, государства, нравственности, права» [21, с. 272]. Эта наука, по мнению Ковалевского, должна была заниматься анализом законов эволюции на основе этнографии.

Историков «русской школы» объединял одинаковый стиль научного мышления – синтетический, склонный к теоретизированию и обобщениям, который позволял им создавать и узкоспециальные монографии, и масштабные ис-

следования по истории целых частей света [3, 9, 22, 24]. К примеру, по поводу личности М. М. Ковалевского С. Н. Погодин замечал, что его главная особенность как исследователя – «стремление к синтезу, к широким обобщениям и описанию картины целых эпох, широкий синтез, а не мелочный анализ исторических фактов» [29, с. 177].

Картину того, что значит быть исследователем, точно обрисовал Ковалевский, рассказывая о работе в архивах Франции: «Извлекать из первоисточников выводы, приводить их в систему, строить гипотезы на счет причинной зависимости между явлениями и самостоятельно выяснять развитие учреждений в связи со средою, где совершается развитие» [17, с. 126].

Не только архивные первоисточники составляли предмет аналитической работы ученого, но и так называемые вторичные источники – научная литература. По словам П. Г. Виноградова, указывавшего на трудности исторического поиска, «для разрешения одного не особенно громадного вопроса необходимо приобретать обширное и близкое знакомство с источниками и литературой известного предмета» [6, с. 269]. Коснемся особенностей работы историка с научной литературой. Сила интеллекта, «отчетливо расчленяющая и конструирующая мысль, объединяющая анализ и синтез в историческом мышлении» [14, с. 6], позволяла историкам осилить огромные объемы литературы. Несмотря на прекрасную память, натренированную в гимназические годы, историки придерживались своеобразной культуры чтения специальной литературы, характерным атрибутом которой было конспектирование: «Читая, обыкновенно конспектировал, накапливая этим известный материал» [12, с. 131]. Благодаря такому подходу к работе с научной литературой многие историки «русской школы» оставили обширное историографическое наследие [4, 8].

Таким образом, методологические идеи историков «русской школы», касающиеся культуры научного исследования и исторической науки в целом, не потеряли актуальности и в настоящее время. Общей чертой методологии историков «русской школы» было стремление в духе позитивизма к научной объективности и отрицание субъективизма – вероисповедного, национально-классового. По этому поводу Н. И. Кареев писал, что история – «самодовлеющая наука, а не прислужница политики» [12, с. 250].

Библиографический список

1. ОР РГБ. – Ф. 119. – К. 39. – Ед. хр. 1.
2. Вен, П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии [Текст] / П. Вен. – М., 2003. – 246 с.
3. Виноградов, П. Г. История средних веков [Текст] / П. Г. Виноградов. – М., 1903. – 179 с.
4. Виноградов, П. Г. Очерки западноевропейской историографии [Текст] / П. Г. Виноградов // Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). – 1883. – № 8–12; 1884. – № 1–2, 6–8, 1.
5. Золотарев, В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция [Текст] / В. П. Золотарев. – Л., 1988. – 270 с.
6. Из писем П. Г. Виноградова [Текст] / публикация К. А. Майковой // Средние века. – Сборник 22. – М., 1962. – С. 267–282.
7. Кареев, Н. И. Государство-город античного мира [Текст] / Н. И. Кареев. – СПб., 1910. – 420 с.
8. Кареев, Н. И. Историки Французской революции [Текст] / Н. И. Кареев. – Т. 1–3. – Л., 1924.
9. Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время [Текст] / Н. И. Кареев. – Т. 1–7. – СПб., 1892–1917.
10. Кареев, Н. И. Историология [Текст] / Н. И. Кареев. – СПб., 1915. – 320 с.
11. Кареев, Н. И. Общие основы социологии [Текст] / Н. И. Кареев. – СПб., 1919. – 520 с.
12. Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое [Текст] / Н. И. Кареев. – Л., 1990.
13. Кареев, Н. И. Теория исторического знания [Текст] / Н. И. Кареев. – СПб., 1913. – 250 с.
14. Карееву Николаю Ивановичу ученики и товарищи по научной работе к 40-летию профессорской деятельности (1873–1913) [Текст]: сборник статей. – СПб., 1914. – 388 с.
15. Ковалевский, М. М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения права [Текст] / М. М. Ковалевский. – М., 1880. – 72 с.
16. Ковалевский, М. М. Краткий обзор экономической эволюции [Текст] / М. М. Ковалевский. – СПб., 1899. – 148 с.
17. Ковалевский, М. М. Моя жизнь [Текст] / М. М. Ковалевский. – М., 2005.
18. Ковалевский, М. М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентарной [Текст] / М. М. Ковалевский. – Т. 1–3. – М., 1906.
19. Ковалевский, М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности [Текст] / М. М. Ковалевский. – СПб., 1895. – 178 с.
20. Ковалевский, М. М. Первобытное право [Текст] / М. М. Ковалевский. – М., 1886. – 175 с.
21. Ковалевский, М. М. Социология [Текст] / М. М. Ковалевский. – СПб., 1997. – 287 с.
22. Ковалевский, М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства [Текст] / М. М. Ковалевский. – М., 1898.
23. Лучицкий, И. В. Отношение историков к науке об обществе [Текст] / И. В. Лучицкий // Знание. – 1875. – № 1. – С. 1–42.
24. Лучицкий И. В. Очерк истории международных отношений [Текст] / И. В. Лучицкий. – СПб., 1918. – 158 с.
25. Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / под ред. Б. Г. Могильницкого. – М., 2004. – 169 с.
26. Мягков, Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» [Текст] / Г. П. Мягков. – Казань, 2000.
27. Письма И. В. Лучицкого [Текст] / Публикация Л. В. Таран // Французский ежегодник 1987. – М., 1989. – С. 192–211.
28. Погодин, С. Н. Русская школа историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский [Текст] / С. Н. Погодин. – СПб., 1997. – 280 с.
29. Погодин, С. Н. М. М. Ковалевский (1851–1916) [Текст] / С. Н. Погодин // Новая и новейшая история. – 1998. – № 2.
30. Про, А. 12 уроков по истории [Текст] / А. Про. – М., 2000. – 174 с.
31. Репина, Л. П. Новая историческая наука и социальная история [Текст] / Л. П. Репина. – М., 1998. – 280 с.
32. Савин, А. Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров [Текст] / А. Н. Савин. – М., 1903. – 650 с.
33. Савин, А. Н. Английская секуляризация [Текст] / А. Н. Савин. – М., 1906. – 584 с.
34. Соколов, А. Б. Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США [Текст] / А. Б. Соколов. – Ярославль, 2007. – 242 с.
35. Тош, Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка [Текст] / Дж. Тош. – М., 2000. – 198 с.